

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА В КИНО

Лариса МИЛЛЕР

КИНО И ПОЭЗИЯ

Я вздрогнула, когда прочитала у Бертолуччи (*Бертолуччи Б.* Мое прекрасное наваждение: Воспоминания, письма, беседы. 1962–2010. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012), что самый близкий к поэзии вид искусства—кино. Не помню дословно, но мысль передаю верно. Я сама всегда так считала и, полагаю, неслучайно, кончая школу, подумывала поступить во ВГИК на сценарный факультет. До стихов еще было далеко. Я начала писать их только в 1962 году, кончив иняз. Прочтя у Бертолуччи то, о чем сама думала, решила объяснить, в первую очередь самой себе, что же роднит поэзию и кино. Наверное, прежде всего та стремительность, с которой стрела, пущенная и тем и другим видом искусства, достигает души. И это вовсе не значит, что стремительно развивается сюжет фильма. Разве «Смерть в Венеции» динамична? Но все стрелы, пущенные Висконти, достигают цели. А это и крупные планы Дирка Богарда, и его незабываемая спотыкающаяся нервическая походка, и тот контраст, который возникает, когда камера, перейдя от Богарда к подростку, останавливается на его покойном гармоничном, соразмерном облике, и показанная с особой тщательностью роскошь отеля, и контрастирующая с ним запущенная и прекрасная Венеция. Фильм движется медленно, а стрелы летят стремительно.

И то же самое происходит, когда смотришь «Сказку сказок» Юрия Норштейна. Опять тот же неспешный темп и то же мгновенное воздействие. Вот так же и со стихами: «Какая грусть! Конец аллеи / Опять с утра исчез в пыли, / Опять серебряные змеи / Через сугробы поползли» (Фет). Впрочем, мне всегда казалось, что для мгновенного воздействия достаточно и первых четырех слов: «Какая грусть! Конец аллеи...» Причем, душа откликается раньше, чем понимаешь смысл сказанного или увиденного. Во всяком случае, так у меня всегда было со стихами Мандельштама и с фильмами Андрея Тарковского. Особенно с самым из них любимым, с «Зеркалом». Я даже не пыталась уловить смысл происходящего, не заморачивалась временем событий. Меня завораживали сама фактура и звуки: потрескивание горящего сарая во время пожара, отблески пламени, звук льющейся воды, когда героиня моет голову, ее загадочная улыбка, ее забываемая поза, когда она курит, сидя на плетне, и смотрит вдаль, надеясь и не надеясь увидеть того, кто ей дорог. И если бы даже стихи Арсения Тарковского не звучали в этом фильме, я бы слышала их внутренним слухом—настолько стилистика фильма соприродна стихам поэта. Кадры не сменяют друг друга, а соскальзывают один в другой без швов и провисов, как в моем любимом стихотворении «Первые свидания»: «Свиданий наших каждое мгновенье / Мы праздновали, как богоявление, / Одни на целом свете. Ты была / Смелей и легче птичьего крыла, / По лестнице, как головокруженье, / Через ступень

сбегала и вела / Сквозь влажную сирень в свои владенья / С той стороны зеркального стекла». Соскальзывание из строки в строку, из кадра в кадр, головокругительный бег через ступень и даже через лестничный пролет— вот, что роднит фильм и стихи. А еще—недоговоренность, уклончивость, отсутствие точек над «i» и жирных мазков.

Это характерно и для фильма Иоселиани «Жил певчий дрозд», и для «Любовного настроения» Вонга Кар Вая, и для «Затмения» Антониони. А, может быть, в еще большей степени для его же фильма «Профессия: репортер», в котором переломный, судьбоносный, драматичный момент в жизни героя подан без нажима, на полутонах, когда однообразное жужжанье вентилятора в жалкой и жаркой африканской гостинице значит почти столько же, сколько диалог или очередной виток сюжета. В таком кино, как и в стихах, нет мелочей, нет главных и второстепенных членов предложения, важен и крупный и общий план. Причем ни тот, ни другой не кричат о своей значимости и свободно перетекают друг в друга. В «Сказке сказок» Норштейна прекрасно уживаются все—и кот, который, поплевав на лапу, гасит свечу, и прыгающий через веревочку бык, и мамаша, скандалящая со своим пьющим благоверным, и мальчик с яблоком, и ворона, и, конечно же, мудрый и грустный Волчок, дующий на печеную картошку. Вечное и сиюминутное, начало и конец, смешное и трагическое, похоронка и танцплощадка с заигранным танго—всё рядом, всё легким касанием, летучим штрихом. «Мы только с голоса поймем, что там царапалось, боролось»,—сказал Мандельштам. Это верно и для создателей фильма. Хотя и фильмы, и стихи бывают разные. «Я знаю силу слов, я знаю слов набат»—то, что я пишу, скорей всего не про такие стихи и не про эпические фильмы, хотя кто знает. Бертолуччи создавал эпические полотна и, говоря, что кино соприродно поэзии, не уточнил, какое именно кино имеет в виду. Для меня таким фильмом являются прежде всего его «Плененные»—пронзительный, нежный, безысходный и светоносный фильм, само вещество любви.

Я пишу все это, как зритель, влюбленный в кино, пробираюсь на ощупь и, рискуя попасть пальцем в небо, вторгаюсь в чужую вотчину. И надеюсь на сохождение.

А ведь, говоря о кино, можно говорить и о рифме, и о ритме. Такковы, например, фильмы Пелешяна, в которых физически чувствуешь ритм, в которых всё рифмуется: небо с водой, пространство с населяющими его живыми существами. В которых всё звучит, хотя слов почти нет—только шумы самой жизни да иногда музыка.

А «Человек идет за солнцем» Калика, где мальчик бежит за обручем,—это же стихи. Не случайно я, вспоминая этот кадр, всегда повторяю про себя строки Тарковского: «Ты ангел и дитя, ты первая страница./ Ты катишь колесо прибоя пред собой...»

«Пучок смыслов» (слова Мандельштама)—вот, что еще характерно как для поэзии, так и для кино. Но самое главное во всем этом то, что пучок стрел, пущенный стихами и фильмом, может пронзить нас раньше, чем «пучок смыслов» (простите, что повторяюсь). Стихи—кратчайший путь к сердцу. Что-то в этом роде говорил Бродский. То же самое можно сказать про кино. И это удивительно, если учесть громоздкость, неподъемность,

кропотливость и длительность процесса. И еще более удивительно, что фильм, несмотря на все это, способен сохранить спонтанность, легкость, то самое «откуда ни возьмись», без которого не живет настоящее искусство.

4 февраля 2013 г.

***

Обожаю кино. И особенно это—
Где, согласно сценарию, раннее лето,
Где, тесня темноту, день спешит подрасти,
Где акации самое время цвести,
Где я тоже пока, слава Богу, снимаюсь
В своей роли обычной: над рифмами маюсь.
Маюсь ночью и днем, за столом, на ходу,
То исчезну из кадра, то вновь попаду.

2011

А на экране, на экране
И жизнь, и смерть; и слез, и брани
Поток; и лес вздетых рук,
Но нету звука. Дайте звук.
О, неисправная система:
Беззвучно губят, любят немо.
Как в неозвученном кино,
Стучу в оглохшее окно,
Зову кого-то и за плечи
Трясу, не ведая, что речи,
Что дара речи лишена,
И вместо зова—тишина.

1982

А кто там притаился между строк?
А кто там меж словами притаился?
А кто там невидимкой притворился,
Сидит и дышит, тихо, как сурок?
И пусть сидит. Нельзя его теснить,
Пугать его, хватать его руками.
Он—то, что строки делает стихами.
Он—то, что ни назвать, ни объяснить.

2012

Звездам прошлого

1.

Ах, звезды, красивые, юные, гибкие,
И вы, к сожалению, лодочки зыбкие,
И вас, к сожалению, топит волна,
Которая лишь переменам верна,
Капризному ветру, природным явлениям.
Ужель и для вас всё кончается тлением?
Ужели и вас так легко потопить,
Хоть вы и чечетку умеете бить
И петь, покоряя толпу миллионную,
В ваш голос и облик безумно влюбленную?
Смотрю сохраненное чудом кино,
Как будто бы пью дорогое вино,
Хмельное, шипучее, в искорках, пенное,
Где сладко топить свои мысли про брнное.

2.

Они же ведь ангелы, птицы и дети.
Они же играючи жили на свете.
Они же для нас и плясали и пели,
Сверкали, подобно весенней капели.
Они рвали страсти безумные в клочья,
Страдали жестокой бессонницей ночью.
Когда ж отцвели они, отполыхали,
То крылышком мятым нам долго махали.

2013

Ах, чернобелое кино!
Оно цветного многоцветней.
В нем потаенней, несусветней,
Загадочней и высь и дно.

В нем все оттенки и тона—
Анахореты, невидимки.
В нем постоянно в дивной дымке
Любая явь и область сна.

Оно и скрытней и скромней
Цветного. Любит многоточье.
В нем что-то светит даже ночью,
И нет конца игре теней.

2013